

М. С. Морозова, А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург)

ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО ОРАХОВЦА: ЯЗЫК, ИСТОРИЯ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ¹

1. ВВЕДЕНИЕ

Целью нашего исследования является описание и реконструкция условий формирования особой этноязыковой ситуации в городе Ораховац (серб. *Orahovaц*, алб. *Rahovec*) на юго-западе Косова. Здесь в повседневной коммуникации в разных конфигурациях взаимодействуют: местный гегский говор албанского языка; в какой-то степени литературный албанский язык; литературный сербский язык; говор торлакского наречия сербского языка, распространенный в этой зоне; наконец, особый, как принято думать, славянский идиом, который считают родным и используют (или утверждают, что используют) как «домашний» язык представители двух основных этноконфессиональных групп населения Ораховца — албанцы-мусульмане и православные сербы. Сами горожане, именующие себя *рафчане* ‘жители Ораховца’, называют свой идиом *равачки* ‘говор Ораховца’ (ср. алб. *gjuhë rahovecjançe* ‘раховецкий язык’). Часть окрестного населения именуется его «болгарским языком Ораховца», а говорящих на нем горожан — «болгарами» (Kohls 2009: 5).

Интерес к этой ситуации возник у нас не в последнюю очередь из-за того, что загадочный «язык Ораховца», с одной стороны, практически не описан, а с другой — довольно широко известен и привлекает внимание не только исследователей (Kohls 2009; Младеновић 2014;

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00244, <https://rscf.ru/project/19-18-00244>. Мы благодарны А. Л. Эшер (Славянский семинар, Университет Цюриха) за ценные замечания к статье и проф. Биляне Сикимич (Институт балканистики Сербской академии наук, Белград) за помощь в получении работы (Krasnići 1957) — важнейшего источника сведений об этнической истории Ораховца.

Антонова-Василева 2019, 2020а, 2020б, 2021 и др.), но и, к примеру, албаноязычных СМИ (Xharra 2010; Devolli 2016). Существует ряд более или менее достоверных представлений о языке, этничности и происхождении населения Ораховца, которые в той или иной степени разделяют жители окрестных сел и сами горожане и, как следствие, обильно цитируют авторы газетных статей и научных работ. Как представляется, чтобы достигнуть цели, подобной той, что заявлена нами выше, исследователю необходимо разобраться, по крайней мере, в двух взаимосвязанных комплексах проблем. Во-первых, это собственно лингвистическое описание ораховацкого идиома в его современном состоянии и реконструкция его истории. Во-вторых, это исследование (в синхронии и диахронии) (суб)этнического самосознания жителей Ораховца, нетипичного для Косова и в целом для западных Балкан (использование славянского идиома и албанская самоидентификация).

В настоящей статье мы представляем предварительные результаты исследования городского сообщества Ораховца и его идиома, которое базируется на немногочисленных источниках и на материалах нашей первой и пока единственной экспедиции, проведенной в августе 2019 г. Раздел 2 посвящен представлению «объективных» данных по этнической истории региона. В разделе 3 дается, по имеющимся в нашем распоряжении материалам, лингвистическая характеристика идиома. В разделе 4 рассматривается этническое самосознание жителей Ораховца и приводятся гипотезы о возможных путях формирования этого самосознания. Заключительный раздел содержит попытку обобщения полученных результатов.

2. СВЕДЕНИЯ О РЕГИОНЕ.

ОРАХОВАЦ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ И ПЕРЕПИСЯХ

Город Ораховац является административным центром одноименного муниципалитета (алб. *kotinë*, серб. *општина*), который расположен на юго-западе Косова, в плодородной долине реки Белый Дрин (алб. *Drini i Bardhë*, серб. *Бели Дрим*). Этот регион, называемый обычно Подримле/Подрима или Анадрини (серб. *Подримље, Подрима*; алб. *Anadrini* 'Подримье', букв. «берег Дрина»), известен своими традициями выращивания винограда, что в некоторой степени повлияло на naive и научные представления о генезисе славянского идиома албанцев Ораховца. Этнограф и антрополог М. Красничи пишет, что исторически ал-

банское мусульманское население города занималось виноградарством, тогда как сербское христианское — производством вина и особенно ракии из винограда, который приобретался в основном у соседей-мусульман. В Ораховце часто бывали (славяноязычные) покупатели, мастера-бондари из разных мест — Ибарского Колашина, Средской Жупы, Призрена — и это способствовало сохранению сербского в городском сообществе как «рабочего» языка (Krasnići 1957: 122). Впрочем, этим не объясняется регулярное использование славянского говора албанцами в качестве домашнего языка.

Население Ораховца и его окрестностей этнически неоднородно. В районе имеются как албанские, так и сербские моноэтничные (реже смешанные) села. Наиболее известные сербские села, Велика-Хоча и Зочиште, имеют большое историко-культурное значение для всего региона: в Велика-Хоче находится несколько сербских православных церквей (некоторые из них относятся к эпохе Стефана Немани, XII в.), а в Зочиште — мужской монастырь в честь святых Косьмы и Дамиана (предположительно XIV в., разрушен, восстановлен в 2006 г.). Среди албанских сел можно выделить с. Дреновац (алб. *Drenoc*), где при сельской средней школе учителем истории и географии Назми Беришей (алб. *Nazmi Berisha*) создан этнографический музей, алб. *Muzeu i Anadrinisë* ‘музей Подримья’.

В самом Ораховце проживают албанцы (преобладающее большинство), сербы, бошняки, а также ромы, ашкали и египтяне² (Askdata 2011). Население преимущественно мусульманское (мусульмане-сунниты и бекташи), и в городе имеется несколько мечетей и бекташийских текке, самое крупное из которых, так называемое Большое текке (алб. *Teqeja e Madhe*), построено в 1732 г. и принадлежит ордену халвети. Строительство центральной городской мечети, алб. *Xhamia e Çarshisë* ‘Чаршийская мечеть’, датируется 1606 г.; новое здание на месте разрушенного старого построено в 2005 г.

Первые упоминания об Ораховце относятся к доосманскому периоду. В хрисовуле Стефана Душана 1348 г. говорится, что сербский правитель дарит афонскому монастырю Хиландар земли с виноградниками, граничащие с территорией, где есть место под названием Ораховец. Позднее, в грамоте Григура Вуковича Бранковича, его братьев Георгия

² О субэтнических группах ашкали и египтян, см., в частности, (Marushiakova, Popov 2001).

и Лазаря и их матери Мары (кон. XIV — нач. XV в.), упоминается передача «села Ораховац с виноградниками, полями, лугами, фруктовыми садами, огородами и мельницами» в собственность Хиландарского монастыря (Krasnići 1957: 91).

Сведения о населении обнаруживаются лишь в османских документах начиная с XVI в. (Ahmeti 2018). Одним из самых подробных является перепись Призренского санджака 1571 г., расшифрованная и переведенная на сербский язык Т. Катич. В ней упоминается нахия Хоча с селами Большой и Малый Ораховац (43 и 5 домов соответственно), которые затем, вероятно, слились (Катић 2010: 161, 172–174, 567). Поименно перечисляются все совершеннолетние мужчины (с указанием имени отца или родового имени, а также других сведений, например «неженатый», «поп», «переселенец») и вдовы. Антропонимия позволяет сделать предположения об этноконфессиональном составе населения. Карта нахии Хоча, построенная Катич (2010: 610) на основе анализа антропонимов, показывает, что и Большой, и Малый Ораховац в конце XVI в. населяли преимущественно сербы-христиане (серб. *Срби хришћани*) и в меньшей степени албанцы-христиане (*Албанци хришћани*); категория «мусульмане» (*Муслимани*), которая может включать как славян, так и албанцев, в этих селах на карте отсутствует. Из расшифрованного фрагмента переписи с данными о Большом Ораховце (Катић 2010: 172) видно, что характерные мусульманские имена носят несколько беев, владеющих земельными наделами в Ораховце, например *Махмуд б. Ибрахим* и *Али б. Мустафа* (здесь и далее в абзаце — в сербской транскрипции Катич). Остальные имена христианские или, по крайней мере, немусульманские (*Петар, Никола, Божидар, Аранид, Стојан, Степан, Огњан* и др.). В некоторых случаях можно с высокой долей уверенности говорить и об этнической принадлежности. Например, *Бучан* (*Бучан Биба, Степан Бучан* и *Матеј Бучан*) — «старое влашское имя», по замечанию Катич, т.е. в Ораховце, скорее всего, было арумьинское население. Имена типа *Кола Љуља, Која Кола, Петар Ђон* (около 10 человек в списке), очевидно, принадлежат албанцам — ср. с именами *Kolë* и *Gjon*, которые и сегодня распространены среди албанских католиков.

1931 (вероисповедание)	всего	православные	католики	евангельские христиане	остальные христиане	мусульмане	другие					
муниципалитет	4447	1101	9	1	1	3335	0					
1961 (население по национальному составу)	всего	албанцы	сербы	мусульмане	югославы	черногорцы	венгры	македонцы	хорваты	словенцы	ромы	
муниципалитет	27255	22199	3790	47	62	1032	1	3	15	0	32	
город	7373	5450	1761	2	1	96	0	1	11	0	0	
1991 (национальная принадлежность)	всего	албанцы	сербы	мусульмане	югославы	черногорцы	венгры	македонцы	болгары	буневцы	влахи	греки
муниципалитет	59877	55033	3795	205	46	174	1	1	1	0	0	1
город	4929	85	3795	205	46	174	1	1	1	0	0	1
2011 (этническая принадлежность)	всего	албанцы	сербы	боснийцы	турки	ромы	ашкали	египтяне	гораны	прочие	предпочли не отвечать	нет данных
муниципалитет	56208	55166	134	10	2	84	404	299	0	11	15	83
город	15892	15467	85	6	2	62	186	33	0	6	14	31

Таблица 1. Население Ораховца в 1931, 1961, 1991 и 2011 г. (Askdata).

О населении Ораховца в течение последнего столетия с большей или меньшей степенью достоверности свидетельствуют переписи XX и начала XXI в. В таблице 1 для примера взяты данные переписи Королевства Югославия (1931), переписей СФРЮ (1961, 1991) и последней переписи, которая проводилась в самопровозглашенной Республике Косово (2011). Перепись 1931 г. учитывает конфессиональную принадлежность населения мелких административных районов; этническая принадлежность указывалась только для крупных единиц, к числу которых општина Ораховац не относилась. Согласно переписи, в општине проживало более 1000 православных (скорее всего, в основном сербов) и более 3000 мусульман (среди них могут быть как албанцы, так и славяне). В последующих переписях учитывается этническая принадлежность. Например, в 1961 г. зафиксировано преобладание албанцев в општине и в самом городе Ораховце; по-видимому, к таковым себя относил большинство жителей города, считавших своим родным языком какой-либо славянский идиом (ср. весьма невысокую численность славяноязычного мусульманского населения, обозначенного в переписи как *Муслимани* 'мусульмане').

Данные последней в СФРЮ переписи 1991 г. не могут считаться достоверными, т.к. в связи с обострением социально-политической обстановки албанцы Косова и Метохии массово ее бойкотировали. Число албанцев в городе Ораховце, согласно этой переписи, не превышает 100 человек³. Наконец, перепись 2011 г. также может быть недостаточно корректной, на этот раз с точки зрения учета сербского населения. Впрочем, верно то, что многие сербы покинули Косово в целом и рассматриваемый район в частности во время и после войны 1999 г.

3. ГОВОР ОРАХОВЦА И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Славянский идиом Ораховца является объектом внимания исследователей начиная с 1930-х гг. Интерес вызывает как его диалектологическая характеристика и определение языковой и диалектной принадлежности, так и наблюдения над тем, как сами носители определяют свой язык. Сербский этнограф Г. Элезович, побывавший в Ораховце летом 1932 г., констатирует, что и православное, и мусульманское население

³ Вызывает сомнение и отсутствие, согласно этой переписи, сербов, черногорцев, «мусульман» и «югославов» в окрестностях города.

города говорит на идиоме, который представляет собой «механическое смешение косовско-метохийского и южноморавского говора» (Елезовић 1950: 133). В 1950-е гг. М. Красничи, принимая без обсуждения диалектологическую характеристику говора Ораховца, данную Элезовичем, подчеркивает, что албанское население (в том числе семейства, о которых точно известно, что их предки-албанцы не владели сербским до переселения в Ораховац) использует в семейном кругу тот же «вид сербского диалекта», что и соседи-сербы (Krasnići 1957: 121). Интересны и наблюдения Красничи, что молодое поколение — за исключением детей, которые ходят в албанскую школу, — плохо знает албанский, в то время как старики хорошо владеют им; мусульманские женщины, которые говорят только «по-сербски» (на местном говоре), на свадьбах поют исключительно албанские песни (Там же).

По замечанию антрополога Г. Дуйзингса, во время его полевой работы в Ораховце и его окрестностях в июле 1991 г. некоторые респонденты из Ораховца говорили, что их идиом больше похож на македонский, чем на сербский язык, поскольку «они явно хотят отмежеваться от всего сербского» (Dujzings 2000: 73, сноска 7). Т. Кольс в подробной магистерской диссертации, посвященной говору Ораховца, приходит к выводу, что перед нами скорее говор призренско-южноморавского диалекта торлакского наречия сербского языка, демонстрирующий некоторые следы албанского влияния (например, постпозиция прилагательного в именной группе и албанские лексические заимствования) и внутренне дифференцированный по этнической принадлежности носителей. В «этнолекте» албанцев лучше сохраняются старые диалектные черты, в то время как сербы испытывают более сильное влияние литературного сербского языка (Kohls 2009: 54–56). Сербский диалектолог Р. Младенович (2012: 131–132) пишет, что «[л]окальный говор мусульманской группы в нас. п. Ораховац — сербский, относящийся к призренско-южноморавскому типу, что отдаляет его от идиомов славянских мусульманских групп в северных областях Шар-Планины. На этом же локальном говоре говорят и сербы-христиане». Наконец, болгарская исследовательница Л. Антонова-Василева (2018, 2020а, 2020б, 2021), которая вслед за А. Теодоровым-Баланом (1886) и Ст. Младеновым (1905) относит говоры южного Косова к западной периферии «болгарской языковой территории» (Антонова-Василева 2018: 94), в ряде недавних публикаций характеризует говор Ораховца как болгарский, а его носителей — как болгар.

В работах косовских исследователей, посвященных албанскому диалекту района, можно встретить следующие характеристики славянского идиома Ораховца. Исследуя сербско-албанский словарь Л. Куноджича (1902), албанская часть которого отражает речь обширного региона на юге Косова, от Ораховца до Призрена (Agani 1968–1969), Х. Агани замечает, что в конце XIX — начале XX в. ораховацкие албанцы, вероятно, использовали наряду с албанским «некий сербский идиом» (алб. *një serbishte*), и с течением времени последний стал преобладать даже в общении в албанских семьях (Agani 1981: 40–42). Н. Паязити в описании албанского говора Подримья называет славянский идиом Ораховца «смешанным языком», алб. *një gjuhë e përzier* (Pajaziti 2008), а исследователь албанского говора Ораховца и его окрестностей Ф. Дюляй употребляет применительно к славянскому говору термин *rahoveciançe* ‘ораховацкий [говор]’, подчеркивающий его особый статус (Dulaj 2016). Я. Хондози, косовский ориенталист родом из Ораховца, предпочитает называть городской славянский идиом «говором Ораховца» (алб. *e folmja e Rahovecit*) и характеризует его как «смешанный говор... с элементами нескольких балканских языков: албанского, сербского, болгарского, а также восточных языков: арабского, турецкого и персидского» (Hondozi б.д.: 4). Название «(ораховацкие) болгары», по словам Хондози, является экзонимом, связано с наличием в этом идиоме черт, напоминающих болгарские, и имеет пренебрежительный оттенок (Там же: 1, 5).

Г. Элезович (1950: 139–140) опубликовал в своей работе небольшой диалектный текст, записанный им в 1932 г. в текке халвети у дервиша Имера Прбосовича⁴. Фрагменты этого текста в авторской записи Элезовича приведены в примерах (1–4). Диалектные, т.е. отсутствующие в стандартном сербском лексемы и формы выделены жирным шрифтом, (возможные) заимствования из других языков — подчеркиванием.

- (1) *Рекѝмо: «Аде, кѝј ће д'улеѓне у грѝб?»*
‘Мы сказали: «Ну, кто ляжет в могилу?»’
- (2) *Па потѝм почѝју земљу да мичѝјеју сас матѝку, сас лоѝату.*
‘И потом они начинают копать землю мотыгой, лопатой.’

⁴ Скорее всего, респондент происходит из албанского рода, зафиксированного у М. Красничи как Пербочи (серб. *Perboći*) и связанного с албанским фисом Гаши (Krasnići 1957: 130). Возможно, от алб. *përboç* ‘большой ком земли; большое полено для очага’.

- (3) *Kad mikoше четвѣрту, ја тај тар вѣкну:* «Ваа!»
 ‘Когда выкапывали четвертую, я тут и кричу: «Гав!»’
- (4) *Не, несам се уплашија.*
 ‘Нет, я не испугался.’

К чертам, в целом присущим призренско-южноморавскому диалекту торлакского наречия (Ивић 1985), можно отнести: старое окончание 1 л. мн. ч. аориста *рекомо* ‘(мы) сказали’ (1); форму вопросительного местоимения *куј* ‘кто’ — лит. серб. *ко* (1); замену инструментала аккузативом после предлога *сас* ‘с’ (2); экавский рефлекс *ѣ в *несам* (лит. серб. *нисам*) и переход *л > ја* (*уплашија*) в причастии м. р. ед. ч. (4). Глагол *мичујеју* ‘копают’ (2) / *микоше* ‘(они) копали’ (3), скорее всего, происходит от алб. *тић* ‘копаю, рыхлю’. В связи с лексемой *тар* (4) можно заметить, что в албанском языке существительное *tar* обозначает «шанс, возможность» и, возможно, имеет турецкое происхождение, напр. от тур. *dar* ‘едва’ (Dizdari 2005: 997).

Наши собственные наблюдения над речью жителей Ораховца пока ограничены. В пробной экспедиции не удалось записать пожилых людей, особенно женщин, скорее всего, лучше сохраняющих местный славянский идиом в силу традиционно малой мобильности — по сравнению с мужчинами, которые обычно служат в армии и работают за пределами города⁵. В основном наши собеседники были людьми среднего возраста. Молодые люди и подростки, с которыми мы беседовали, признавались, что общаются только по-албански и не владеют ни сербским языком, ни местным славянским идиомом. Сходные наблюдения сделаны Д. Ходжей в ходе социолингвистического изучения ситуации в Ораховце. По ее мнению, высокий престиж албанского языка в современном Косово становится причиной того, что представители среднего и особенно молодого поколения все чаще используют только этот язык в различных сферах жизни, и албанско-славянское двуязычие постепенно угасает (Нохћа 2019: 126).

Ниже приводятся фрагменты интервью с информанткой N. (1969 г. р.), которая владеет славянским говором Ораховца в качестве родного языка и говорит на местном гегском диалекте албанского (хотя, по ее сло-

⁵ Ср. также наблюдение М. Красничи (1957: 113) о том, что кампания по эмансипации мусульманских женщин, развернувшаяся в послевоенной Югославии, в Ораховце оказалась особенно неуспешной, и в результате местные мусульманки в очень малой степени заняты в трудовой деятельности за пределами своего дома.

вам, албанский она выучила в школе, где в те годы должен был преподаваться литературный язык). Записывая интервью, мы попросили N. говорить именно на местном славянском идиоме (*r'ahoveŕŕki*).

В примерах подчеркнуты некоторые особенности, характерные для литературного сербского языка, и выделены жирным шрифтом явно диалектные формы и лексемы, которые присущи в целом диалекту этой зоны или, возможно, специфичны для Ораховца. Примеры записаны с использованием знаков Международного фонетического алфавита. Различия в характере ударения не помечаются; вопрос об их наличии требует уточнения.

- (5) *m'oji r'oditeli n'isu se up'oznali s'ami, k'ao ŕto n'iko u R'ahoveŕŕki u to vr'eme, n'eje, n'e su... 'uvek je b'io n'eko ot por'oditŕe koj je... in-its'irao, napr'imer m'oja mat'imala x'alu u por'oditŕu m'ojeŕ o'tsa i 'ona je b'ila k'ao... se**ŕ**'ep se v'**eli** r'ahoveŕŕki i uŕ'alila m'oju m'ater.*
 ‘Мои родители не сами познакомились, как все в Раховце в то время, нет, не... всегда был кто-то из семьи, кто... инициировал, например у моей матери была *xala* (тетка) в семье моего отца, и она была как... по-ораховацки называется *seben*, и сосватала мою мать.’
- (6) *j'elo karakter'istitŕno r'ahoveŕŕ n'ema sv'oje ŕto se r'azlikuje ot ts'elo k'osovo.*
 ‘В Раховце нет своего традиционного блюда, которое отличалось бы от всего Косова.’
- (7) *napr'imer 'evo, m'oja st'arija s'estra tr'inaest g'odine se v'erila, 'ali tek sed'amnaest se 'udala.*
 ‘Например вот моя старшая сестра в 13 лет была помолвлена, но только в 17 вышла замуж.’
- (8) *m'islif k**al**'iko su b'ili st'ari k**ad** se...? pa dev'ojke <нрзб.> u tŕe-tirn'aeset petna'eset veŕŕ se v'erili, pre.*
 ‘Ты имеешь в виду, сколько лет им было, когда они...? Ну, девушки в 14–15 лет уже были помолвлены, раньше.’
- (9) *A za z'ene sam iŕ'ula, jes. p'rvi put je v'idela svog m'uza na p'rvi br'atŕni not**e**.*
 ‘А про женщин я слышала, да. Она в первый раз видела своего мужа в первую брачную ночь.’
- (10) *'obitŕno z'ene su ost'avale u k'ut**eu** k'oja je im'ala sv'adbu, a lj'udi su... sa post'ila dr'uga k'ut**ea**, v'elimo na r'ahoveŕŕki, komŕ'ijska, bl'izu da b'ude, jer z'ene su spr'emile hr'anovi i tr'ebalo da b'ude bl'izu. 'uvek 'ima kont'akt tam ov'amo, 'ali napr'imer j'eli, p'ili, sl'avili se odv'ojeno.*

‘Обычно женщины оставались в доме, в котором была свадьба, а мужчины... для них «накрывается» другой дом, мы говорим по-ораховацки, соседский, чтобы было близко, потому что женщины готовили еду и нужно было, чтобы все было близко. Всегда все контактируют то там, то тут, но, например, ели, пили, праздновали отдельно.’

Вышеприведенные примеры показывают, что в речи одного говорящего могут смешиваться диалектные и литературные сербские черты. С одной стороны, наблюдается — хотя и не вполне последовательно — произнесение редуцированного гласного, характерного для всех болгарских, части македонских и части торлакских говоров: *kəl'iko* ‘сколько’ и *kəd* ‘когда’ (8); типичное для призренско-тимокской зоны использование аккузатива в локативных конструкциях, ср. *u R'ahoveŭs* ‘в Ораховце’ и *u por'oditsu* ‘в семье’ (5), *u k'uŭŭu* (10); отмеченная как в сербских, так и в некоторых болгарских диалектах тенденция к переходу в мужской род существительных женского рода на согласный: *p'rvi br'atŭni noŭe* ‘первая брачная ночь’ (9). С другой стороны, N. регулярно употребляет только литературные сербские формы причастий м. р. ед. ч. (*b'io, inits'irao* в примере (5) и др.; ср. с диалектной формой в примере (4), который записал Элезович). Типичному для торлакских говоров компаративу прилагательных с *po-* предпочитается сербская литературная форма: *st'arija s'estra* ‘старшая сестра’ (7)⁶. В некоторых случаях можно наблюдать и диалектную, и стандартноязыковую реализацию одного и того же признака. Например, предлог *ot* ‘от, из’ в приведенных фрагментах употребляется и с локативом, как в литературном сербском языке и наименее балканизированных сербских диалектах (*ot por'oditŭe* ‘из семьи’ в (5)), так и с аккузативом или общим падежом, как в части торлакских говоров: *ot ŭs'elo k'osovo* ‘от всего Косова’ (6). Такое смешение происходит даже в рамках одного фрагмента, ср. литературные сербские местоимения *n'iko* ‘никто’ и *n'eko* ‘кто-то’ vs. диалектное *koj* ‘кто’; икавский (стандартный) и экавский (диалектный) рефлекс *ѣ в формах *n'isu* и *n'eje* от глагола «быть» в примере (5).

⁶ Как справедливо указывает А. Л. Эшер, выражения типа серб. *starija sestra* ‘старшая сестра’ и *stariji brat* ‘старший брат’ представляют собой достаточно устойчивые и широко употребительные сочетания, поэтому использование в них стандартной формы компаратива не обязательно говорит о полном отсутствии компаратива с *po-* в исследуемом идиоме. Другие прилагательные, не встретившиеся в наших примерах, вполне могут его образовывать.

Важно, что все упомянутые диалектизмы встречаются в других при-зренско-южноморавских говорах (Ивић 1985) и скорее характерны для всей зоны, чем специфичны для говора Ораховца.

В области лексики, к числу характерных черт можно отнести употребление в (5) турцизмов: *x'ala* 'тетка по отцу' (тур. *hala* 'сестра отца'), *seb'ep* 'причина, повод' (тур. *sebep* 'причина, повод, мотив'; N. подчеркивает, что это слово «ораховацкое»). Однако следует заметить, что такие лексемы типичны для балканских мусульман (см. упомянутые лексемы в словаре турцизмов сербохорватского языка (Škaljić 1966)), а также имеются в албанском языке (лит. алб. *hall|ë, -a* 'тетка по отцу', *sebep* 'причина, повод'). Встречаются также славянские диалектные лексемы, не характерные для литературного сербского языка: *v'elimo* 'говорим', *hr'anovi* 'блюда' (ср. мак. *велам* 'говорю', *храна* 'еда') в (10).

В фрагменте (10) N. рассказывает о свадьбе в Ораховце. По традиции, мужчины и женщины праздновали отдельно, не просто сидя за разными столами, а находясь в разных домах. Женщины размещались в доме родителей жениха, а мужчины — в доме по соседству. «Ораховацкое» выражение *sə post'ila dr'uga k'učea*, букв. «накрывается другой дом», использованное для описания происходящего, вероятно, представляет собой кальку с алб. *shtrohet shhtëpia* 'убирается дом' (алб. *shtroj* 'накрывать, расстилать'; *shtroj shhtëpinë / dhomën* значит «убирать дом / комнату, стелить хорошие ковры и покрывала»). Глагол *sə post'ila* напоминает скорее мак. *постилам* 'застилаю, постилаю', чем соответствующее серб. *простираати* 'застилать, постилать'.

Можно предположить, что идиом Ораховца внутренне неоднороден и в речи разных информантов будут так же в разной степени представлены литературные сербские, общие призренско-южноморавские и специфические для данного говора черты. Подтвердить или опровергнуть это предположение можно лишь в результате анализа достаточно большого массива текстов. На данном этапе наши наблюдения в целом совпадают с наблюдениями Т. Кольса, сделанными в его магистерской диссертации о говоре Ораховца, и мы склонны согласиться со следующим его положением: «Если отрешиться от новейших тенденций развития и некоторых лексических различий и исходить из состояния до 1999 года, то окажется, что единственной исключительной особенностью сербского говора Ораховца является его употребление албанским населением. Это представляет собой, однако, социолингвистическую, а не лингвистическую черту» (Kohls 2009: 74).

4. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И ГЕНЕЗИС НАСЕЛЕНИЯ ОРАХОВЦА

Для ответа на вопрос о том, что представляет собой идиом Ораховца, необходимо учитывать не только его лингвистические характеристики, но и социолингвистическую ситуацию (знание и использование языков, их распределение, языковая идентичность носителей) и тот социально-исторический контекст, в котором происходило ее развитие, по крайней мере в последние столетия.

По наблюдению Красничи (1957: 118), жители Ораховца мало знают о своем этническом прошлом, как часто бывает с городским населением, в отличие от сельского. Тем не менее, очевидно, что в прошлом в этническом составе населения этого города происходило много существенных изменений, и формирование как местного идиома, так и представлений о собственной языковой и этнической идентичности происходило в этих специфических условиях.

По мнению Элезовича (1950: 139), исламизация старого населения в Ораховце в частности и в Подримье в целом, а также широкое распространение албанского языка в этом районе вряд ли имеет давнюю историю (ср. обсуждавшиеся в разделе 2 данные антропонимии из османской переписи 1571 г., где отсутствуют мусульманские имена). При печских патриархах Арсении III Црноевиче (1674–1706) и Арсении IV Йовановиче Шакабенте (1725–1737), начался отток сербского населения на север, за Дунай и Саву. На опустевшие земли стали спускаться албанские горцы, и под их давлением оставшееся сербское население Подримья начало принимать ислам. Исламизированные сербы чаще использовали албанский язык в общении вне дома, т.к. это был «язык мусульманского большинства», а в семейном кругу могли продолжать использовать сербский как родной язык и язык своей этнической группы (Там же: 134). Тем не менее, преобладание албаноязычного элемента среди мусульманского населения региона, скорее всего, стало причиной постепенной албанизации (части) славяноязычных мусульман. В этом процессе важную роль, по-видимому, сыграли межэтнические браки. Так, Б. Нушич (1902: 25) пишет, что многие сербскоязычные «потурченцы» в Ораховце перешли на албанский язык, т.к. стали жениться на албанках.

Дуйзингс (2000: 73), рассуждая о происхождении старого населения Ораховца, предполагает, что «[в]ероятно, они являются последними потомками тех, кто известен в сербских источниках как *арнауташи*, исламизированные и наполовину албанизированные славяне», цити-

руя, таким образом, одно из традиционных объяснений происхождения (значительной части) косовских албанцев (Malcolm 2006). По версии Младеновича (2012: 127–128, 132), население Ораховца состоит из мусульман, «имеющих славянскую лингвистическую принадлежность, но осуществивших трансферт в албанский этнос». Часть этих мусульман относится к местным исламизированным сербам, и в недавнем прошлом некоторые из них состояли в родственных отношениях с (православными) сербами из Ораховца и окрестных сел. Здесь можно упомянуть другой интересный аспект сербско-албанских отношений в Ораховце (и в целом в Метохии): некоторые сербские семьи считали себя частью того или иного албанского *фиса* (рода), поскольку в османское время примкнуть к сильному *фису* означало приобрести защиту от грабежей и погромов (Krasnići 1957: 123)⁷.

Мы не отрицаем на данном этапе исследования возможность постепенной албанизации части исламизированных славян Ораховца, сопровождавшейся сохранением родного славянского идиома и усвоением албанского в качестве второго языка. Но это предположение не объясняет того, что подавляющее большинство мусульман Ораховца идентифицируют себя как албанцев. Принятый в сербской историографии взгляд, что албанцы Косова (и в частности Ораховца) — албанизовавшиеся сербы, не объясняет и того факта, что полного перехода на албанский язык в данном сообществе не произошло; неясно, в чем именно заключается вышеупомянутый «трансферт в албанский этнос» при условии сохранения «славянской лингвистической принадлежности».

Лингвистические данные и их анализ в разделе 3 также не дают нам четкого ответа на вопрос о генезисе говора Ораховца. Диалектные черты в речи горожан, говорящих «на ораховацком», в основном характерны для всей призренско-южноморавской или — шире — торлакской диалектной зоны. Албанское влияние в лексике и фразеологические кальки также не делают этот идиом уникальным, поскольку в той или иной степени характерны для всех славянских говоров, длительное время находящихся в контакте с албанским языком (см. Станишић 1995; Omatić 2012; Соболев и др. 2013; Morozova 2021 и мн. др.).

⁷ Еще один из упомянутых ранее исследователей говора Ораховца, Хондози, в своем очерке ограничивается цитированием гипотез о развитии языковой ситуации, выдвинутых предшественниками. Сведения, к которым апеллирует Антонова-Василева (2018: 99–100; 2021: 58), получены из публикации в онлайн-газете *telegrafi.com* (Devolli 2016) и не обсуждаются в настоящей статье, т.к. не имеют подтвержденных ссылками источников.

В этой ситуации большое значение имеет антропологический подход в духе устной истории, который позволяет хотя бы отчасти реконструировать происхождение населения отдельно взятого населенного пункта или района. Подобное исследование было предпринято в Ораховце в 1950-е гг. М. Красничи. По его наблюдениям, городское население склонно относить себя к двум этническим и двум конфессиональным группам: все православные — сербы, все мусульмане — албанцы; предки большинства нынешних жителей переселились в Ораховац в течение последних трех веков, а старого населения либо нет, либо к его потомкам относятся те семейства, которые не помнят своего происхождения и считают, что «всегда жили здесь» (Krasnići 1957: 119). Распределение по домохозяйствам, установленное Красничи в ходе полевого исследования, показано в таблице 2.

Этнические группы	Кол-во домов (семейств)
«сербское» население (православные, предпочитают относить себя к сербам)	
сербы	172
цыгане	34
не знают своего происхождения	7
Всего	213
«албанское» население (мусульмане, предпочитают относить себя к албанцам)	
албанцы	453
албанизированные сербы	26
албанизированные турки	1
Всего	635
Всего в городе	848

Таблица 2. Население Ораховца в 1950-е гг. (Krasnići 1957).

Примечания.

1. По наблюдениям Б. Нушича (1902) в конце XIX в., в Ораховце были сербизированные цыгане. Наиболее поздняя тенденция, не отразившаяся в материалах Красничи, показывает, что цыгане могут относить себя как к албанцам, так и к сербам. Цыгане-мусульмане часто сильно албанизированы, в настоящее время их часть причисляет себя к (суб) этническим группам египтян и ашкали.

2. Красничи не удалось установить точное число албанизированных сербских семейств, т.к. в устных историях сохранилось мало сведений об этом. Так или иначе, число семей (домов), представители которых заявляли, что являются потомками исламизированных сербов, сравнительно невелико (26). К ним относится, например, род *Ондозовићи*, алб. (*H)ondozi* (8 домов).

Большинство семейств сербского происхождения (серб. *rodovi srpskog porekla*, 172 дома) точно знают, что являются потомками пришлого, а не старого населения Ораховца, и помнят, откуда происходили их предки. Среди них есть выходцы из Греции и Болгарии (с характерными фамилиями *Грковићи* — от серб. *грк* ‘грек’, *Витошевићи* — от топонима Витоша), из Албании (г. Шкодра), из «внутренней» Сербии, а также соседних косовских сел и Призрена. Большая часть (12 родов и 65 из 172 домов) происходит из Черногории.

Более половины домов в Ораховце (453) являются албанскими; 144 из проживающих в них семейств не знают своего происхождения и могут быть потомками как недавних переселенцев, так и более старого (может быть, тоже переселенческого) населения. Красничу удалось точно установить происхождение остальных албанских семейств и выяснить, что их предки пришли в Ораховац в XVII–XX в. в рамках нескольких волн переселения: 1) наиболее мощная миграция из Северной Албании — Большой Мальсии и Мирдиты (XVII–XIX в.), в которой участвовали представители ряда североалбанских *фисов*, таких как *Бутуq*, *Gash*, *Shala*, *Krasniqi*, *Hot*, *Thaçi* (Elsie 2015); 2) «обратная волна» (серб. *инверсна досељеничка струја*, после XIX в.) — возвращение сравнительно небольшого количества албанцев из Болгарии и Македонии, напр. род *Бугару* (23 дома), чье прозвище, по-видимому, следует связывать с исходным регионом переселения, а не с этнической принадлежностью; 3) локальные миграции из разных частей Косова и Метохии после XIX в.

Вывод, который можно сделать из исследования Красничу, заключается в том, что формирование современного этнического состава Ораховца не отличается принципиально от того, что происходило в других городах Западного Косова. Следовательно, поиски ответа на вопрос о факторах, определяющих особенности ораховацкой этнолингвистической ситуации следует искать за пределами собственно исторических фактов.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Как принято считать, в городе Ораховце употребляется особый городской говор, который использует в том числе население, идентифицирующее себя как этнические албанцы. В настоящее время сфера употребления говора сужается. У молодых албанцев он вытесняется

местным гегским диалектом и (с малой долей вероятности) литературным албанским языком, а у сербов может вытесняться литературным сербским языком⁸ и/или соседними сербскими говорами. Как показано в разделе 3, в речи носителей ораховацкого говора могут смешиваться диалектные черты и черты литературного сербского языка.

В лингвистическом плане славянский идиом Ораховца, по-видимому, представляет собой говор призренско-южноморавского диалекта торлакского наречия, испытавший албанское влияние и содержащий большое количество турцизмов, характерных для речи балканских мусульман. Тенденция обозначать идиом как «болгарский» / «македонский», скорее всего, вызвана желанием албанского населения, говорящего на нем, отмежеваться от сербской этноязыковой идентичности. В связи с этим существенно замечание Хондози о том, что этнический маркер «болгары» является для жителей Ораховца экзонимом и не имеет для них положительных коннотаций.

При этом не исключено, что ораховацкий городской говор мог, изначально обладая некоторой степенью уникальности для данного региона, со временем меняться в сторону сближения с окружающими призренско-южноморавскими говорами и (в последнее время) с литературным сербским. К сожалению, систематические записи, представляющие состояние говора в предшествующие периоды, практически отсутствуют.

Имеющиеся (пока отрывочные) сведения об истории и демографии Ораховца и языке его жителей необходимо соотносить с данными об их происхождении. Современное население Ораховца гетерогенно. В него входят многочисленные переселенческие группы албанцев-мусульман из Северной Албании, а также (в меньшей степени) из Болгарии и Македонии; менее многочисленные православные сербы из окрестных сел, «внутренней» Сербии и из Греции; незначительное количество исламизированных сербов (скорее всего, среди них есть представители относительно старого населения); прочие (цыгане, которые могут идентифицировать себя как албанцы или сербы, в зависимости от конфессиональной принадлежности и других факторов).

⁸ В ходе пробной экспедиции 2019 г. мы посетили с. Велика-Хоча и в одной из церквей побеседовали с сербкой из Ораховца, имеющей высшее образование и владеющей литературным сербским языком; явные диалектные черты в ее речи отсутствовали. Является ли выбор литературного языка основной стратегией при общении с теми, кто не является членом городского сообщества, пока не выяснено, однако очевидно, что литературный сербский язык может быть частью языкового репертуара сербов Ораховца.

Отвечая на вопрос о том, как возникла эта специфическая этноязыковая ситуация, отличающаяся от распространенных в Косово⁹, необходимо в будущем рассмотреть историю формирования населения Ораховца на фоне демографической истории других косовских поселений подобного типа. Пока мы можем указать лишь на несколько факторов, которые могли оказать большее или меньшее влияние на изучаемую ситуацию: 1) миграционный — сравнительно позднее оформление Ораховца как городского центра, постоянный приток албанского населения при наличии сербского (в том числе миграционного происхождения); 2) экономический — виноградарство, использование сербского в качестве «рабочего языка» всеми жителями города; 3) матримониальный — упоминающиеся в различных источниках межэтнические браки (в целом нетипичные для Косова). Не исключен и поздний (после Второй мировой войны или в 1970-е годы) рост «вторичного» албанского самознания.

Таким образом, в формировании городского сообщества Ораховца приняли участие и сыграли в нем важную роль: этнические албанцы-мусульмане, которые сохранили (или возродили) албанское этническое самосознание, но перешли на славянский идиом как основное — а в некоторые периоды, возможно, единственное — средство коммуникации (такое направление языкового сдвига нехарактерно для Косова, но вполне типично для албанцев диаспоры); исламизированные сербы, сохранившие свой язык, но влившиеся в этническом плане в численно преобладающую группу (оценка роли и численности сербского исламизированного элемента нуждается в дополнительных подтверждениях); православные сербы, сохранившие свой язык и не влившиеся в этническом плане в численно преобладающую группу. В случае с албанцами мы имеем дело с *остановленным языковым сдвигом* (англ. *arrested language shift*). Полному завершению сдвига с албанского на славянский идиом и последующей самоидентификации, скажем, как «мусульман», вероятно, препятствовал ряд факторов социально-исторического характера. Это могли быть, во-первых, постоянные контакты с окружающим албанским населением в соседних селах и близлежащих крупных городах, прежде всего Призрене, и, во-вторых, меняющаяся политическая

⁹ Обычно албанцы Косова говорят на албанском (при этом в социалистической Югославии албанцы, как правило, знали сербохорватский), а православные сербы и мусульманское славянское население — на славянских идиомах, их знание албанского достаточно ограничено.

конъюнктура: превращение албанцев региона из подвергающегося угнетению национального меньшинства в королевстве Югославия в большинство в автономном крае в составе СФРЮ и абсолютное большинство в послевоенном Косово. Все эти факторы влияли прежде всего на отношение населения Ораховца к своему языку (англ. *language attitude*) гесп. этнической самотнесенности.¹⁰

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 л. — 1-е, 2-е, 3-е лицо,	алб. — албанский,
ед. ч. — единственное число,	лит. — литературный,
ж. р. — женский род,	мак. — македонский,
м. р. — мужской род,	серб. — сербский.
мн. ч. — множественное число,	

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова-Василева 2018 — Антонова-Василева Л. Езикът на българите в Косово // Македонски преглед. 2018. №3. С. 93–102.
- Антонова-Василева 2020а — Антонова-Василева Л. Лексиката на Раховец, Призренско като свидетелство за същността на местния говор „Bulgarishtja“ // Македонски преглед. 2020. Т. 43. №2. С. 169–180.
- Антонова-Василева 2020б — Антонова-Василева Л. Характерни маркери за българския език на морфологично и синтактично равнище — по материали от говора на Раховец, Призренско // В. Мичева, Д. Благоева, М. Витанова, М. Цибранска, С. Колковска, Т. Александрова (отг. ред.). Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ (София, 2020). II том. София: Изд-во на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2020. С. 51–58.

¹⁰ В этом плане было бы интересно рассмотреть ситуацию в Ораховце в контексте более общей проблемы возникновения новых этнических сообществ, весьма актуальной для Балкан (и не только для них). Так, самоидентификация уже упоминавшихся ашкали и египтян, которые с «примордиалистской» точки зрения являются цыганскими группами, перешедшими албанский язык, как особых групп, никак не связанных цыганами (Marushiakova, Popov 2001), определяется исключительно отношением членов этих групп к проблеме своего этнического происхождения. В социолингвистике отмечаются случаи, когда члены сообщества постулируют наличие у себя «особого» языка, что никак не подтверждается «объективными» данными (см. Вахтин 2001).

- Антонова-Василева 2021 — *Антонова-Василева Л.* Говорът на българите в Раховец, Призренско. София: Изд-во на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2021.
- Балан 1886 — *Балан А. Т.* Западните български говори // Периодическо списание. 1886. Кн. XIX–XX. С. 146–213.
- Вахтин 2001 — *Вахтин Н. Б.* «Языковая смерть» в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского говора // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. Вып. 1. С. 272–297.
- Елезовић 1950 — *Елезовић Г.* Један оглед нашег говора из Ораховца у Подрими код Призрена // Јужнословенски филолог. 1949–1950. Т. XVIII. № 1–4. С. 135–139.
- Ивић 1985 — *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Друго издање. Нови Сад: Матрица српска, 1985.
- Катић 2010 — *Катић Т.* Опширни попис Призренског Санцака из 1571. године / уред. Т. Живковић. Београд: Историјски институт САНУ, 2010.
- Младенов 1905 — *Младенов Ст.* За пограничните говори в Източна Сърбия // Известия на Семинара по славянска филологија при Университета в София. 1905. № 1. С. 101–116.
- Младенович 2012 — *Младенович Р.* В поисках этнического определения — славянские мусульманские группы на юго-западе Косово и Метохия // R. D. Greenberg, M. Nomachi (eds.). *Slavia Islamica. Language, Religion and Identity*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012. С. 115–147. (*Slavic Eurasian Studies* No. 25).
- Младеновић 2014 — *Младеновић Р.* Словенска лингвистичка припадност, професионална припадност и етнички трансфер у светлу скривених мањих на југозападу Косова и Метохије // Б. Сикимић (уред.). *Скривене мањине на Балкану*. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2014. С. 245–258.
- Нушић 1902 — *Нушић Б.* Косово. Опис земље и народа. Издање са сликама. Свеска I. Нови Сад: Издање Матице Српске, 1902. (Књиге Матице Српске. Број 6).
- Соболев и др. 2013 — *Соболев А. Н., Новик А. А., Домосилецкая М. В., Дугушина А. С., Ермолин Д. С., Колосова В. Б., Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Голо Бордо (Gollobordë), Албанија: Из материјалов балканској експедицији РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / А. Н. Соболев, А. А. Новик (ред.). СПб.: Наука; München: Otto Sagner, 2013.
- Станишић 1995 — *Станишић В.* Српско-албански језички односи. Београд: Српска академија наука и уметности, 1995.
- Agani 1968–1969 — *Agani H.* Cila është treva gjuhësore e fjalorit të Kujunxhiçit // *Gjurmime albanologjike*. 1968. № 2. F. 51–69. 1969. № 1. F. 164–196.

- Agani 1981 — *Agani H.* Fjalori i Lubomir Kujunxhiçit në dritën e shqipes së Rahovecit e të Gjakovës. Prishtinë: Rilindja, 1981.
- Ahmeti 2018 — *Ahmeti I.* Sistemi administrativ i qyteteve të Kosovës gjatë shekujve XVI–XVIII // Thesis. 2018. №1. F. 71–88.
- Askdata 2011 — Popullsia e komunës së Rahovecit sipas vendbanimit, gjinisë dhe etnicitetit 2011 // Agjensia e Statistikave të Kosovës (ASK). URL: <https://askdata.rks-gov.net/> (дата обращения 29.09.2021).
- Dizdari 2005 — *Dizdari T. N.* Fjalor i orientalizmave në gjuhën shqipe. Rreth 45.000 fjalë me prejardhje nga gjuhët turke, arabe dhe perse. Tiranë: Instituti Shqiptar i Mendimit dhe i Qytetërimit Islam, 2005.
- Devolli 2016 — *Devolli B.* Gjuha paralele e qytetit të rrushit: Çka është “bugarishtja” e Rahovecit? // telegrafi.com. 19.07.2016. URL: <https://telegrafi.com/gjuha-paralele-e-qytetit-te-rrushit-ekziston-bugarishtja-e-rahovecit/> (дата обращения 29.09.2021).
- Dujzings 2000 — *Dujzings G.* Zočište: the end of a ‘mixed’ pilgrimage // G. Dujzings. Religion and the Politics of Identity in Kosovo. London: C. Hurst & Co., 2000. P. 71–75.
- Dulaj 2016 — *Dulaj F.* E folmja e Rahovecit me rrethinë. Prishtinë: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 2016.
- Elsie 2015 — *Elsie R.* The tribes of Albania: History, society and culture. London; New York: I. B. Tauris, 2015.
- Hondozi б.д. — *Hondozi J.* Vështrim sociolinguistik rreth së folmes së Rahovecit. Рукопись, б.д. 14 с.
- Hoxha 2019 — *Hoxha D.* The phenomenon of bilingualism in Rahovec’s spoken language // Advances in language and literary studies. 2019. Vol. 10. Issue 3. P. 122–127.
- Kohls 2009 — *Kohls Th.* Die Stadtsprache von Rahovec / Orahovac: Untersuchung zu einer Varietät des Serbischen im Kosovo. Magisterarbeit zur Erlangung des Grades Magister Artium. Leipzig, 2009. 85 S.
- Krasniçi 1957 — *Krasniçi M.* Orahovac, antropogeografska monografija varošice // Glasnik muzeja Kosova i Metohije. 1957. II. S. 87–138.
- Malcolm 2006 — *Malcolm N.* Is it true that Albanians in Kosova are not Albanians, but descendants from Albanized Serbs? // A. di Lellio (ed.). The Case for Kosova: Passage to Independence. London; New York: Anthem Press, 2006. P. 19–22.
- Marushiakova, Popov 2001 — *Marushiakova E., Popov V.* New ethnic identities in the Balkans: the case of the Egyptians // Facta Universitatis. Series: Philosophy and Sociology. 2001. Vol. 2, No. 8. P. 465–477.
- Morozova 2021 — *Morozova M. S.* “Balanced language contact” in social context: Velja Gorana in Southern Montenegro // A. N. Sobolev (ed.). Between separa-

- tion and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 89–134.
- Ouari 2012 — *Ouari A.* Marrëdhëniet gjuhësore shqiptaro-serbe. Tiranë: Botimet Albanologjike, 2012.
- Pajaziti 2008 — *Pajaziti N.* E folmja e Anadrinit. Prishtinë: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 2008.
- Škaljić 1966 — *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo: Svjetlost, 1966.
- Xharra 2010 — *Xharra B.* Dialekti misterioz i Kosovës po venitet // *BalkanInsight*. 27.11.2010. URL: <https://balkaninsight.com/2010/11/27/dialekti-misterioz-i-kosoves-po-venitet/?lang=sq/> (дата обращения 29.09.2021).

Maria S. Morozova, Alexander Yu. Rusakov (Saint Petersburg)

ORAHOVAC TOWN COMMUNITY:
LANGUAGE, HISTORY, SELF-IDENTIFICATION

ABSTRACT: The article is devoted to the peculiarities of the (socio)linguistic situation in the town of Orahovac, Western Kosovo. The situation involves interaction of the local Gheg dialect of the Albanian language, the literary Albanian language, the literary Serbian language, the local Torlak dialect, and the special Slavic idiom of the Albanian population, known as *ravački* ‘the dialect of Orahovac’. An attempt is made to give a linguistic description of the local idiom, using the materials previously published by other researchers and the own field data. The ethnic awareness of the inhabitants of Orahovac is considered and hypotheses about the ways of its formation are proposed.

KEYWORDS: Kosovo, Orahovac, self-identification, ethnic awareness, Albanians, arrested language shift.

NOTE ON THE AUTHORS:

Maria S. Morozova, Ph.D., senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: morozovamaria86@gmail.com.

Alexander Yu. Rusakov, Dr.Sc., chief research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ayurusakov@gmail.com.

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена (социо)лингвистическим особенностям языковой ситуации в городе Ораховац на западе Косова, в которой взаимодействуют: местный гегский говор албанского языка, литературный албанский язык, литературный сербский язык, местный торлакский говор и особый славянский идиом албанского городского населения, известный как *равачки* 'говор Ораховца'. Предпринимается попытка дать лингвистическую характеристику местного идиома, используя ранее опубликованные другими исследователями и собственные полевые материалы. Рассматривается этническое самосознание жителей Ораховца и предлагаются гипотезы о путях формирования этого самосознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Косово, Ораховац, самоидентификация, этническое самосознание, албанцы, остановленный языковой сдвиг.

ОБ АВТОРАХ:

Мария Сергеевна Морозова, к.ф.н., с.н.с., Институт лингвистических исследований РАН. E-mail: morozovamaria86@gmail.com.

Александр Юрьевич Русаков, д.ф.н., г.н.с., Институт лингвистических исследований РАН. E-mail: ayurusakov@gmail.com.

ДИКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА М. С. МОРОЗОВОЙ И А. Ю. РУСАКОВА

Ирина Александровна Седакова: Спасибо Марии Сергеевне и Александру Юрьевичу за такое буквально детективное лингвистическое исследование. Какая-то гремучая смесь языков, диалектов, идиолектов и так далее. Пожалуйста, вопросы.

Максим Максимович Макарцев: У меня скорее не вопрос, а небольшое добавление. Мне показалось очень интересным наблюдение, что у албанцев сохраняются более архаические черты славянских диалектов, и я хотел бы подчеркнуть, что это же видно и в топонимике. *Orahovac*, да, с совершенно литературной сербской огласовкой и албанское *Rahovec* с диалектным рефлексом в суффиксе. И это очень много где видно в топонимике региона, например, сербск. *Suva Reka* и албанск. *Suharekë*.

Ксения Анатольевна Климова: Спасибо! Там еще был один грек в переписи. Откуда он и что же с ним стало, интересно?

Мария Сергеевна Морозова: Я даже попыталась написать, что там, возможно, было с греками. Там действительно был один грек в переписи-

си. Ну, и вообще интересно, действительно, что с ним стало. Вообще, не очень понятно, грек ли он. Дело в том, что там, действительно, были какие-то переселенцы, как нам показывает Марк Красничи, из разных регионов, например, из Болгарии, с территории нынешней Северной Македонии, а также и с территории Греции. При этом эти переселенцы вполне могли быть славянами. Может быть, они называли себя греками, ну, из соображений просто своего происхождения с территории Греции или, может быть, и по конфессиональному принципу, поскольку были православными, если такое еще было возможно в XVII–XVIII веке. Вот, поэтому грек, конечно, загадочный. Но точно сказать, кто это и что это — не очень понятно.

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ МАКАРЦЕВ: Там еще количество сербов по одной переписи совпадает с количеством албанцев в другой — 85 человек. Очень много загадок с этими переписями. А вообще югославскую перепись 1991 г. албанцы в основном бойкотировали, поэтому для таких регионов, как Раховец, эти цифры мало что дают.

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА МОРОЗОВА: Да, действительно, албанцы, в основном, бойкотировали эту перепись в тот год, когда провозглашалась так называемая Республика Косово, у албанцев были особенно обостренные националистические настроения. И при этом не очень понятно, действительно, как переписали албанцев в Ораховце и переписали ли. Но вполне возможно, что их всех как-то записали сербами, особенно благодаря тому, что первый язык их получается славянский, а не албанский идиом.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ РУСАКОВ: Да, как можно увидеть, в 1991 г. указано меньше албанцев, чем во все остальные годы. Видимо, часть албанцев отказалась отвечать на этот вопрос переписи, а часть, по-видимому, записали как сербов.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СЕДАКОВА: Ну вот мы видим, что лингвистика тоже политизирована, и мы должны учитывать местную политику (и не только местную, но и глобальную). И еще я хотела бы отметить замечательную фигуру энтузиаста. Мы почти всегда в полевых исследованиях в деревнях, селах, маленьких городах и больших городах встречаем таких энтузиастов. Вот этот замечательный совершенно археолог у вас! И я думаю, что все вспомнили каких-либо подобных лиц, которые пишут историю села, ритуалы записывают, язык, диалект и так далее. Большое спасибо докладчикам за интересный доклад!